

УДК 811.161.1'28

**РОЛЬ ЛИНГВИСТОВ КУЙБЫШЕВА/САМАРЫ В РАБОТЕ ПО СОЗДАНИЮ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК
И РЕГИОНАЛЬНОГО АТЛАСА САМАРСКИХ ГОВОРОВ**

© 2015

Е.С.Скобликова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Самарский государственный университет, Самара, (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается роль Куйбышева как одного из ведущих центров масштабной работы Академии Наук над созданием Диалектологического атласа русского языка. Раскрываются предпосылки этой роли в предшествующей деятельности учёных-профессоров В.А.Малаховского и А.Н.Гвоздева. Анализируются этапы работы – от массовых экспедиционных обследований говоров до создания обобщающих лингвогеографических исследований по всей территории Диалектологического атласа и исследований региональных. Характеризуется персональный вклад в работу учёных разных поколений – от предвоенного, военного периода и первых послевоенных десятилетий до наших дней. В Приложении карты распространения диалектных форм местоимений на территории Европейской части России демонстрируют результаты лингвогеографического исследования Е.С. Скобликовой. Статья сопровождается личными воспоминаниями автора статьи – непосредственного участника диалектологической деятельности – о культурно-исторических и бытовых условиях осуществления диалектологической работы.

Ключевые слова: диалектологический атлас русского языка; диалектные формы местоимений.

Масштабный проект создания Диалектологического атласа русского языка под руководством Института русского языка АН СССР (оговорим – по территории Европейской части страны) начал реализовываться в конце 1930-х годов. Вообще же изучение русских говоров и восточнославянских языков имело к этому времени уже достаточно длительную историю, и осуществление очередных планов, конечно, предполагало разработку специальных программ обследования говоров. В Академии Наук эта разработка по разным уровням языка проводилась Московской диалектологической комиссией.

Почему в работе по Атласу в Институте русского языка АН одну из ведущих ролей отвели Куйбышеву?

Безусловно, в первую очередь – в силу известности двух куйбышевских лингвистов – Всеволода Антоновича Малаховского и Александра Николаевича Гвоздева. Оба рано и практически одновременно проявили себя как организаторы региональных обобщающих диалектологических исследований.

У Всеволода Антоновича в 1920-е годы осуществлены две соответствующие публикации.

1. Об изучении сибирской диалектологии // Известия Института народного образования. Чита, 1923. Книга 1. С. 98-124 с таблицами.

То же – отдельный оттиск. Чита, 1923. 28 с.

2. Об изучении русских говоров в Сибири: Опыт инструкции с приложением очерка П.Я.Черных. Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. Иркутск, 1925. 48 с.

А.Н.Гвоздев в те же 1920-ые годы организовал широкое изучение говоров б. Пензенской губернии. По составленной им анкете-вопроснику (Пенза, 1923. 4 с.) было получено свыше 500 ответов по 390 населенным пунктам. В 1925 г. вышла его обобщающая работа «Типы великорусских говоров Пензенской губернии» (Пенза, 1925. 20 с.) и составлен первый в стране региональный атлас этих говоров, включавший 24 карты. В том же году он был избран членом Московской диалектологической комиссии

Академический план работы над обобщающим диалектологическим атласом сначала предусматривал составление карт по 11 отдельным его томам. Всеволоду Антоновичу Малаховскому была поручена роль руководителя по 10-му, межобластному Юго-Восточному, тому. Оставляя за скобками многие и многие сложности этой работы, расскажу о том, в каких условиях жизни осуществлялась эта роль.

К 1948-49 учебному году, когда я начала работу над своей кандидатской диссертацией, в куйбышевском архиве 10 тома были материалы уже примерно по

1000 населенных пунктов – материалы, собранные по обширной программе-вопроснику с записями текстов диалектной речи. Все они хранились в заставленном стеллажами небольшом кабинете его личной квартиры в «переулке Специалистов». Сама квартира была четырехкомнатная, но с неудобной планировкой. Единственная большая комната была проходной. А в кабинете самому Всеволоду Антоновичу приходилось работать вместе с посетителями, приходившими и приезжавшими для работы с архивом.

В порядке примечания! В большой комнате Всеволод Антонович и Ксения Николаевна, его жена и помощница, устраивали небольшие – на 5-6 человек – семейные застолья после защиты и для аспирантов Всеволода Антоновича и для других защищавшихся в Куйбышеве. Насколько распространенным был тогда подобный опыт, можно судить и по моей защите в Саратове в 1950 году, когда я была приглашена отметить ее в семью моего оппонента (!) профессора Александра Митрофановича Лукьяненко. (Сейчас, как известно, отношения прямо противоположные: «застолья», и отнюдь не семейные, стали едва ли не обязанностью самих диссертантов...)

Возвращаясь к ситуации конца 1930-х годов уместно сказать о том, что первая, как бы пробная, диалектологическая экспедиция в Куйбышеве состоялась в 1938 году. Ее участниками были окончившие 1-й курс студенты Дмитрий [Иванович] Алексеев и Петр [Павлович] Глинкин. Эта экспедиция была отправлена даже не в Куйбышевскую область, а на экзотический Северо-Запад в район Онежского озера (Ленинградская область). Алексееву и Глинкину, которые после 2-го и 3-го курсов ездили в экспедиции уже в Куйбышевскую область, принадлежат многие материалы и в архиве московского академического центра – в Институте русского языка АН.

В первой экспедиции, от которой сохранился дневник Дмитрия Ивановича Алексеева, студенты познакомились с ведущими лингвистами Академии Наук – Федотом Петровичем Филиным, Елизаветой Алексеевной Комшиловой. Из Куйбышева с ними были муж и жена Меркурьевы – Федор Иванович и Раиса Сергеевна. (В войну Федор Иванович погиб, замученный в фашистском лагере...)

Само экспедиционное путешествие осуществлялось в Прионежье пешком, по топким болотам.

Заметим, что ведение дневников и обсуждение впечатлений от экспедиций, заданное самим Всеволодом Антоновичем, вошло в традицию всех последующих диалектологических поездок со студентами.

Мои личные воспоминания о диалектологической

работе многообразны.

С одной стороны, среди них впечатления от многих экспедиций.

Началось все в 1944 году в селе Канаевка Городищенского района Пензенской области, где я работала в школе в 1943-1944 учебном году, окончив к этому времени первые два курса на заочном отделении литфака в Куйбышеве. В Канаевку с двумя студентами Пензенского института приехала (эвакуированная) из Ленинграда доцент Евгения Марковна Иссерлин (родственница Тынянова). Канаевка была выбрана ею по следам гвоздевских публикаций о ситуации диалектного двуязычия в этом селе. Видимо, не без рекомендации А.Н.Гвоздева Евгения Марковна привлекла к работе меня: я уже прошла диалектологию в Куйбышеве – «образованная» девица! Я помогла найти информантов, сама вместе с приехавшими вела записи в транскрипции. Пензяки знакомились и с экзотическими женскими канаевскими костюмами. Эти костюмы были на всех жительницах Канаевки, а исторически – «по происхождению» – они были специфичны только для женщин Крукола – западной части села (с «мещерским» говором). По костюмам этим и потом еще долго можно было узнать канаевских женщин. Они были обязательными в быту, а не какими-нибудь парадно-фестивальными! И поездки жительницы Канаевки, продающие какую-нибудь нехитрую снедь, всегда встречали в этих костюмах (Канаевка – село пристанционное).

Перейдя с заочного обучения в Куйбышеве на дневное в Пензе, я и после 3-го, и после выпускного 4-го курсов ездила в экспедиции в разных студенческих компаниях. Руководителем нашим был доцент Арсений Моисеевич Пашковский. С рефератом по говору одного из сел Иссинского района Пензенской области я поступила и в аспирантуру (1946 г.). Экспедиционные поездки продолжались и в годы аспирантуры, и в разных статусах во многие последующие годы.

Диссертационная работа, посвященная географическому распространению разных падежных форм личных местоимений на территории Европейской части СССР, показавшаяся, на первый взгляд, как бы слишком «частной», на самом деле оказалась очень интересной. Картографирование раскрыло достаточно четкие границы разных диалектных группировок, в том числе ранее не отмечавшихся.

Достаточно сказать, например, что Северо-Запад в целом вычленился использованием таких форм, как *оны/аны, йоны/йаны*, (в литературном языке *они*); *йон; йона/йана*; в винительном падеже: *ю, ею, йону/йану* (в литературном языке *её*) – «брал ю за белы рученьки». Плюс к тому аналогия среди указательных местоимений: *ты, тых, тым* (в литературном языке *те, тех, тем*)^{1*}. Распространяется на местоимения здесь и совпадение форм дательного и творительного падежей множественного числа: «*Они смеются над вам*» – замечание проводника в поезде Ленинград-Москва.

В Поволжском регионе зафиксированы в качестве характерных формы *оне/ане* (аналогично – *мое, твое, свое, моих, твоих* и т.д.); *тея, сея, тее, сее* (литературные *тебя, себя, тебе, себе*) – в настоящее время уже не сохранившиеся; с *нём*, плюс к тому *в каком, в этом*, в других группах местоимений. В южнорусских регионах – *табе, сабе; у мене, у тебе, у себе*; совпадающая с литературным языком форма *они*.

Работа по сбору материалов для диссертации осуществлялась в трех диалектологических архивах:

1) В Куйбышеве – в упоминавшейся выше квартире Всеволода Антоновича Малаховского! – дней 10, а может быть и 14, с утра до вечера, да еще и с подкармливанием в (отнодью не сытые) послевоенные годы... Этим занимались Ксения Николаевна, жена

Всеволода Антоновича, и их помощница, фактически тоже член семьи, Аннушка.

2) В Москве, в Институте русского языка АН на Волхонке (ныне напротив института – Храм Христа Спасителя). Здесь тоже не обходилось без самоотверженной помощи сотрудников Института. После окончания рабочего дня со мной до позднего вечера оставалась Лидия Николаевна Булатова, для которой Институт для самой был родным домом. Опекала и Софья Владимировна Бромлей. Обе чуть постарше меня. На 10-15 минут можно было отлучиться в угловой магазин, где доступны были «французские» булочки и конфеты «Коровка». В обеденное время были общие «застолья» все с теми же булочками и «Коровками» из соседнего магазина. В застольях этих со всеми на равных участвовали ведущие диалектологи – «сам» Рубен Иванович Аванесов, Петр Саввич Кузнецов, Сергей Сергеевич Высотский, Варвара Георгиевна Орлова и другие. Сотрудники других секторов иронически называли это «аванесовские чаепития».

3) Почему-то меньше помню ленинградскую обстановку. Не уверена сейчас, пожалуй, что там существовал отдельный диалектологический сектор. В быту опекала Вера Петровна Фелицына, тоже в то время аспирантка (Бориса Александровича Ларина) – моя близкая подруга, однокурсница по Пензе.

Картин вообще в памяти много. Вероятно, исторически интересно то, что отличает прежнее время от современного «века собственных машин и коттеджей». Почти во всех экспедициях были далеко не короткие пешие переходы. И в этом была своя прелесть и своеобразная романтика, нечто надолго запечатляющееся в памяти.

То на «разноске» собранных записей где-нибудь в кустах у речки нас местные мальчишки подкараулят, подслушают и, убегая, крикнут: «В лису поймали лису!» (это по поводу наших рассуждений о произношении в предударной позиции этимологического «ять»).

То по пути от Самары в Черноречье каблук (конечно, не высокий) от моих единственных примитивных босоножек отвалится, и двадцатилетний аспирант Василий (Данилович) Бондалетов торжественно-шутливо демонстрирует свою умелость, забивая каблук камнем (ладно, гвоздики сохранились, но их еще и нейтрализовать надо, чтобы не кололи ногу...).

То (это в Пензенских краях) нам даже колхозную лошадь(!) дали. А мы не знаем, как с ней справляться. Она чуть идет, все время останавливается. Думаем: большая, подыкает – как будем рассчитывать?.. Все вылезает из телеги, кое-кто уходит далеко вперед. Вдруг догоняют случайные пешие мальчишки: «Что тут у вас?» – «Да вот лошадь подыкает». Они вскакивают в телегу, погоняют лошадь, она несется во весь опор. Догоняют идущих впереди. Те удивляются. К счастью, мальчишкам было по пути. Благополучно прибыли к месту. Что было дальше, не помню: как лошадь вернули?..

Стоит сказать и о том, насколько экспедиции сближали преподавателя и студентов. Помню, как в родном для меня Городищенском районе Пензенской области меня воспитывала одна из студенток-участниц экспедиции Наташа Роткович: «Елена Сергеевна! Вы в институте такая строгая! А здесь!?!» (= зачем, дескать, слабость проявляете?!)

Примечание: Вероятно, небезынтересно, что среди участников городищенской экспедиции были студенты из семей известных ученых и деятелей культуры Куйбышева: Наташа (Наталья Яковлевна) Роткович, Миша (Михаил Васильевич) Финкельштейн, Володя (Владимир Николаевич) Шикун, Зина (Зинаида Николаевна) Умова (ныне Бакалова), Владислав Князев... В их же группе была, но не ездила с нами Эда (Эда Львовна) Финк. «По происхождению» все они тяготели скорее к литературоведению, чем к

лингвистике. Тем более знаменательным был их интерес к народной речи и, вероятно, ещё и к упоминавшейся романтике экспедиционных путешествий. Володя Шикун и Миша Финкельштейн первоначально собирались и в аспирантуру при кафедре русского языка. В перспективе все сами стали научными работниками – преподавателями вузов, замечательными куйбышевскими журналистами и писателями. А для меня было важно, что они изначально хорошо приняли меня и в качестве преподавателя по современному русскому языку и, кажется, по старославянскому.

Все студенты-диалектологи и через много лет помнили и помнят нашу общую работу!

Выше я рассказала о том, что наблюдала лично, часто в буквальном смысле даже «визуально».

По существу близки к этим наблюдениям не менее значимые впечатления от встреч с моими аспирантскими друзьями-сверстниками – Василием Даниловичем Бондалетовым и Дмитрием Ивановичем Алексеевым. Оба они дружили между собой (и со мной) со времени нашей общей общежитской жизни на Ст. Раина, 65. В начале 50-х годов они защитили свои диалектологические диссертации, оба сразу увлеклись расширением исследований по территориальным говорам. А ещё начали масштабную работу по изучению сохранившихся к тому времени тайных социальных диалектов – тайного «языка» ремесленников-отходников. Различными путями они натолкнулись на них в обычных экспедициях. Во время своих ежегодных поездок к родственникам в Пензу я была свидетельницей того, как разворачивалась эта их работа. Василий Данилович и Дмитрий Иванович попеременно устремлялись друг к другу: Д.И. в Пензу, В.Д. в Мелекесс. Разрабатывали программу изучения этих языков, делились своими планами и первыми опытами, деятельно устанавливали связь со старожилами, знавшими тайные языки.

У Василия Даниловича широчайший диапазон их изучения – с охватом не только собственно российских, но и других восточнославянских тайных языков – вылился в докторскую диссертацию (1966 г.), словари, несколько монографий.

Дмитрий Иванович, постоянно контактируя со своим товарищем, увлечённо занимался местными тайными языками, вовлекая в их серьёзное изучение своих студентов и старожилов в Ульяновской области, а потом ещё и в Смоленске. При этом – в условиях, когда у него, постоянно занятого на административных должностях, уже шла огромная работа по Словарю сокращений, теории и истории русской аббревиации.

По масштабам и бескорыстию исследовательского азарта оба они не уступали, таким образом, своим куйбышевским учителям и наставникам Всеволоду Антоновичу Малаховскому и Александру Николаевичу Гвоздеву.

Нельзя не сказать и о том, как масштабная диалектологическая деятельность преемственно реализовалась следующими поколениями куйбышевских/самарских лингвистов. Было защищено много (в том числе обобщающих) диалектологических диссертаций, дипломных работ. Главное же, усилиями Тамары Фирсановны Зибровой и Марии Николаевны Барабиной в СамГУ осуществлён выход регионального Атласа говоров Самарского края (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 116 с.), а Татьяна Евгеньевна Баженова, активно работающая со студентами ПГСГА, заканчивает особенно сложную работу по лексическому тому этого атласа.

Для сохранения материалов первых десятилетий, вплоть до экспедиционных дневников Всеволода Антоновича Малаховского, очень много сделала Людмила Игнатьевна Бордунова. По её инициативе, с её соавторством и работой составителя и редактора осуществлено большое обобщающее издание «В.А. Малаховский и изучение русских говоров Поволжья» (Куйбышев, 1991. 382 с.), издано учебное пособие «Традиционный говор в статике и динамике» (Куйбышев, 1990. 185 с.), разработаны методические рекомендации для экспедиций.

Богатые традиции продолжают и развиваются.

Нельзя не сказать о том, что богатство куйбышевского межобластного диалектологического архива изначально определялось активной деятельностью учёных из вузов разных регионов территории Х, Юго-Восточного, тома Атласа – учёных из Саратовской, Ульяновской, Оренбургской, Западно-Казахстанской областей и Башкирии. При этом Саратовский университет в работе по Х тому по сути осуществлял соруководство, а после кончины В.А.Малаховского (1966 год) – основное руководство диалектологической деятельностью лингвистов Среднего и Нижнего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.А. Малаховский и изучение русских говоров Поволжья. Куйбышев, 1991. 82 с.
2. Александр Николаевич Гвоздев (1892–1959). Очерк жизни и творчества. Воспоминания. Переписка. – Самара, 1992. С. 9–11. Библиографические страницы: 125–126, 130–131.
3. Бондалетов В.Д. А.Н. Гвоздев и лингвогеография Пензенского края. – Пенза–Самара, 1997. 94 с.
4. Елена Сергеевна Скобликова. Очерк жизни и деятельности. Библиографический указатель. Отзывы о трудах. – Самара, 2014. – С. 33–34, 59–61 (диалектологические исследования в составе 36 диссертаций, выполненных под руководством Е.С.Скобликовой, – с. 59–61; пп. 1, 3, 5, 9, 28).
5. Дмитрий Иванович Алексеев: Мемориальное издание, посвящённое 90-летию со дня рождения профессора Д.И. Алексеева [...]. Самара, 2009. С. 6–7, 94–118, 145–156, 234–235.
6. Куйбышевский диалектологический сборник / Под ред. В.А. Малаховского. Куйбышев, 1954. 102 с.
7. Малаховский В.А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Учёные записки Куйбышев. пед. ин-та. Вып. 17. – Куйбышев, 1957 (отдельный выпуск). 183 с.
8. Бюллетень Куйбышевского межобластного кабинета атласа русского языка. Вып. 1. Куйбышев, 1948. 41 с.
9. Материалы исследований по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949. С. 217–241.
10. Материалы исследований по русской диалектологии. Новая серия. Т. 3. М., 1962. 9 с.
11. Вопросы русской диалектологии: Труды V–VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965. 134 с.
12. Вопросы русской диалектологии: Межвуз. сб. Куйбышев: КГУ, 1982.
13. Диалектография русского языка. – М., 1985. – 10 с.
14. Атлас говоров Самарского края: учеб. пособие / Т.Ф. Зиброва, М.Н. Барабина. Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. 116 с.
15. Баженова Т.Е. Проект лексического атласа самарских говоров // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. №1(74). С. 105–117.

THE ROLE OF LINGUISTS KUYBYSHEVA / SAMARA IN CREATING
DIALECTOLOGICAL ATLAS OF RUSSIAN LANGUAGE ACADEMY OF SCIENCES
AND REGIONAL ATLAS SAMARA GOVOROV

© 2015

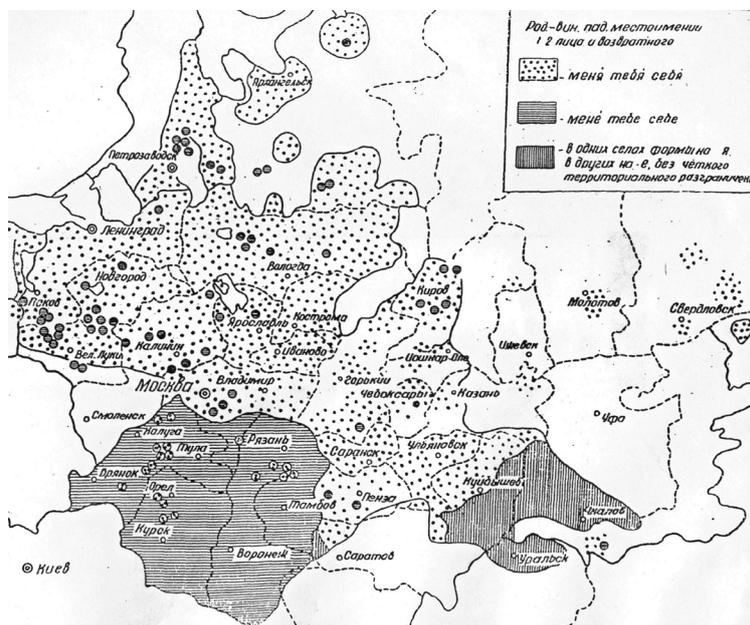
E.S. Skoblikova, professor of Russian language
Samara State University, Samara (Russia)

Abstract. The article discusses the role of Kuibyshev as one of the leading centers of large-scale work on the creation of the Academy of Sciences of Russian dialect atlas. Reveals the background of this role in the earlier activity of scientists and professors V.A. Malahovskogo A.N. Gvozdeva. Analyzes the stages of work - from massive expeditionary Survey says to the creation of generalizing languageographical research throughout the dialect atlas and regional studies. It is characterized by a personal contribution to the work of scientists from different generations - from the pre-war, wartime and the first post-war decades to the present day. Appendix distribution maps dialect forms of pronouns in the European part of Russia show the results of the study languageographical E.S.Skoblikovoy. The article is accompanied by personal memories of the author - a direct participant dialectological activities - cultural-historical and social conditions of the dialectological work.

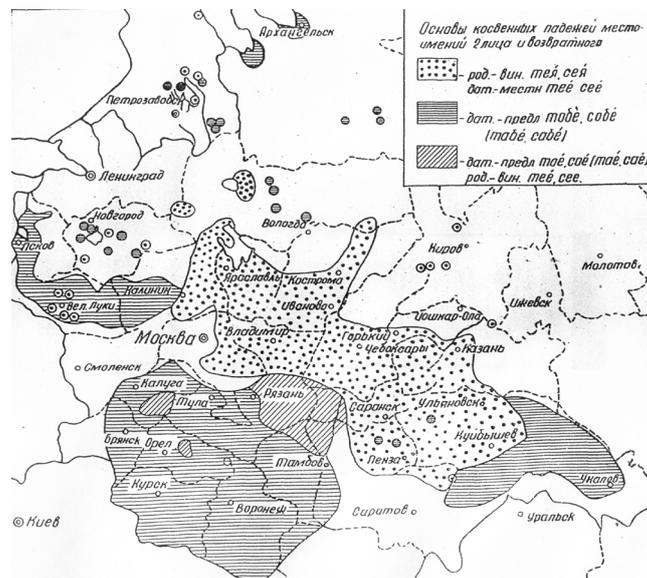
Keywords: atlas dialectological Russian language; dialect forms of pronouns.

Приложение
Лингвогеография диалектных форм местоимений
(5 карт)

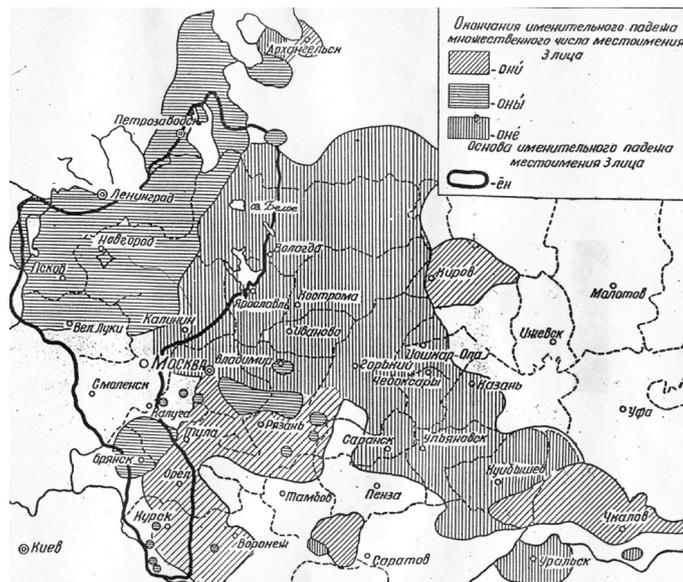
Карта № 1. Формы родительного – винительного падежей у местоимений 1 и 2 лица и возвратного

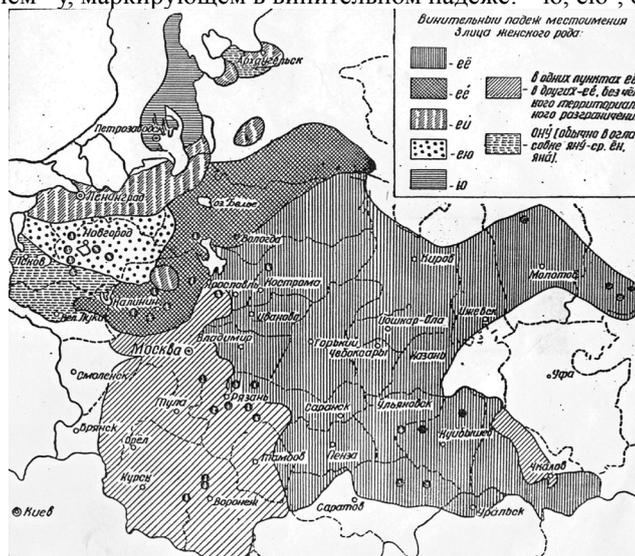
Карта № 2. Различение основ в родительном – винительном и дательном – предложном падежах у местоимений тебя, себя и тебе, себе

- Карта № 3. 1) Окончания именительного падежа множ. Числа местоимений 3 лица: они, оне, оны.
2) Территория распространения форм с начальным йотом в 3 лице: ён, ёна́, ёны – в разной огласовке

- Карта № 4. Формы 3 лица в винительном падеже женского рода а) без различий родительного и винительного: её, её́, её́. б) с окончанием –у, маркирующем в винительном падеже: ю, ею́, ону́ (в разной огласовке)

- Карта № 5. Различение – неразличение форм творительного и предложного падежей в местоимениях. Диалектные формы типа с нём, в э́ тим, в моим

